
Интеллигентская революция на периферии Российской империи и ее современные последствия: землянское наследие в польской гражданской модели¹

Т. ЗАРИЦКИЙ*, Р. СМОЧИНСКИЙ**

***Зарицкий Томаш** – директор, Институт социологических исследований, Варшавский университет. Адрес: Польша, 00-183, Варшава, ул. Ставки, 5/7. E-mail: t.zarycki@uw.edu.pl.

****Смочиньский Рафал** – адъюнкт, Институт философии и социологии Польской академии наук. Адрес: Польша, 00-330, Варшава, ул. Новый Свет, 72. E-mail: rsmoczyn@ifispan.waw.pl.

В статье представлен взгляд на существующие в Польше группы потомков землян² в перспективе изменений, произошедших после 1917 г. на периферии Российской империи. Особое внимание уделено модели двух отдельных «интеллигентских революций» – польской и русской. В статье представлены предварительные результаты исследовательского проекта, посвященного роли землянских сообществ в формировании современной гражданской модели в Польше. Данное исследование, финансируемое Национальным центром науки, написано на основе предыдущих изысканий, посвященных землянским корням польской интеллигенции и ключевому влиянию этой группы на формирование современного национального польского самосознания. Несмотря на тот факт, что о значении землянских традиций для самосознания польской интеллигенции уже писалось неоднократно, в научной литературе до сих пор не представлены систематические исследования, касающиеся функций землян в формировании современной гражданской модели. Такая модель определяется отсутствием польской государственности в период разделов, революционного момента и слабой ролью мецанства. В статье, указывающей на отличие польской гражданской модели от классической европейской модели, представленной в Германии и Франции, отражены ключевое значение землян в генезисе современной политической культуры Польши и роль Российской империи в образовании последующих форм землянских групп.

Ключевые слова: гражданская культура, земляне, аристократия, шляхта, интеллигенция, поле власти, Польша

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, финансируемого польским Национальным центром науки (NCN) «Влияние феодального наследия и функции постшляхецких элит в формировании модели общества в Польше», проводимого в Институте философии и социологии Польской академии наук, No: UMO-2011/03/B/HS6/03971.

² Прим. редактора: описание понятия «земляне» см. на стр. 119

Введение

Рубеж XIX–XX вв. был для Российской империи периодом стремительных политических, общественных и экономических перемен: прежние структуры власти, собственности и общественного положения оспаривались широким спектром общественных групп и активными политическими представителями. К ним относились и растущие ряды рабочего класса, мещанства и буржуазии, и, прежде всего, интеллигенция. В свою очередь, на периферии империи более активными становились национальные движения: как известно, в результате Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны в России на месте империи образовался Советский Союз, в котором произошли радикальные общественные изменения. Особенно пострадали многочисленные группы, претендующие на элитарный статус: аристократия, земляне, буржуазия и значительная часть интеллигенции. Для раскрытия сути этих процессов в настоящей статье мы будем пользоваться предложенным Пьером Бурдьё понятием «поле власти» [Bourdieu, Wacquant 1993], которое было принято им вместо традиционного понятия «элита общества». Поле власти, в понимании Бурдьё, является высшим общественным пространством, часто имеющим сложную структуру, в которой разыгрывается ключевое для данного общества противоборство и определяются линии политических и культурных споров; затем эти линии конфликта навязываются всему обществу и иным его полям, однако именно в поле власти обозначаются значения большинства общественных категорий (в том числе культурных, исторических, экономических или этнических). Таким образом, русское поле власти после образования Советского Союза стало относительно однородным, а во время сталинских чисток с его пространства одна за другой исчезли фракции старых интеллигентских элит. После Второй мировой войны оно подверглось процессу постепенного вторичного дифференцирования, элементом которого было формирование сравнительно автономного научного и артистического субполей, в рамках которых начали проявляться новые воплощения российской интеллигенции. С другой стороны, стала формироваться самовоспроизводящаяся в очередных поколениях партийная номенклатура с ее особыми субполями: партийным, силовым или хозяйственным. На основе этих фракций старого советского поля власти формировались его современные структуры, среди которых более заметной становилась новая буржуазия, имеющая стабильный статус в поле власти, но не обладающая, однако, еще правом голоса и характеризующаяся явной зависимостью от доминирующих политических элит [Гудков, Дубин, Левада 2007].

В свою очередь, абсолютно иной оказалась траектория развития зарождающегося тогда польского поля власти, тесно связанного с русским до начала Первой мировой войны. Необходимо подчеркнуть, что до 1914 г. Российская империя держала под контролем большинство бывших польских земель, на ее территории проживала большая часть польскоязычного населения. Что не менее важно, в то время на территории Российской империи располагалось большинство земельных владений и финансовых ценностей, принадлежавших полякам; на польских землях Российской империи значительное количество поляков работало и в публичных институтах на таких требующих высшего образования должностях как учитель, госслужащий или врач [Chwalba 1999]. В результате упадка трех контролируемых польские территории империй и образования в 1918 г. польского государства,

именуемого сегодня Второй Речью Посполитой, ключевую роль в уже институционализированном поле власти начали играть интеллигентские элиты. Однако это были группы, разительно отличающиеся от тех фракций интеллигенции, которые пришли к власти после большевистской революции в России. Во-первых, здесь мы сталкиваемся с национально ориентированной интеллигенцией, во-вторых, радикальные революционные силы в польском поле власти были маргинализированы. Оно разделилось на левую часть во главе с Польской социалистической партией и правую, во главе которой стояла Народная демократия, но вместе с тем не закрылось полностью от представителей элит из самой России, принадлежавшим к радикально уничтоженному полю власти, а именно от аристократии, землян и буржуазии. Позиция последних при этом была сильно расшатана: во Второй Речи Посполитой они потеряли значительную часть прежнего блеска в значении символического статуса, но прежде всего они утратили прежний капитал. Важнейшие земельные владения после 1918 г. оказались под контролем советской власти, рухнули или сильно ослабли ключевые финансовые институты – ярким примером этого является Торговый банк (Bank Handlowy) в Варшаве. Основанный в 1870 г. земьянскими элитами, представленными первым председателем Юзефом Замоиским и мещанской верхушкой во главе с Леопольдом Кроненбергом, этот банк был одним из самых больших финансовых институтов империи, а его петербургский филиал обладал капиталом, значительно превосходящим ресурсы варшавского главного отделения. После Октябрьской революции банк потерял не только петербургский филиал, но и очень важное отделение в Киеве, а также ряд других филиалов³. Судьба Торгового банка хорошо иллюстрирует историю польской буржуазии, которая окончательно сходит со сцены во время Второй мировой войны, совершенно растворившись и не сохранив даже семейной идентичности или традиций своей среды. Она не возродилась даже после падения коммунизма, в том числе и по причине того, что в Польше не сформировались значительные финансовые группы или концерны, которые могли бы обеспечить развитие нескольких поколений экономической элиты. Ее место в значительной степени занимает верхушка менеджеров, работающих на иностранные фирмы или государственные институты. Главным игроком в польском поле власти, таким образом, остается интеллигенция в широком значении этого слова, которая выступает как в роли интеллектуалов и ученых, так и в роли государственных служащих, предпринимателей, менеджеров или политиков. Эта интеллигенция определяет свой статус не приведенными выше ролями, воспринимаемые как изменчивые, а прежде всего этосом интеллигенции и принадлежностью к неформальной среде, объединяющей в большинстве своем семьи из нескольких поколений интеллигенции.

Следует подчеркнуть, что символическая и политическая позиция польской интеллигенции значительно выше позиции современной российской интеллигенции [Зарицкий 2006]. Здесь можно отметить, что под интеллигенцией мы понимаем не столько определенную прослойку общества, сколько общественное поле в понимании П. Бурдьё. Речь идет о поле, фундаментальным ресурсом которого

³ Формально Торговый банк существует и в настоящее время. После Второй мировой войны он превратился в государственный банк, обслуживающий внешнеторговые операции коммунистической Польши. После краха коммунистического режима, как и большинство других польских публичных банков, он был выкуплен западной компанией: в 2001 г. его приобрел американский Citibank. Под маркой Citibank Торговый (Citibank Handlowy) он действует до сих пор.

является так называемый «культурный капитал» и в котором игроки в той или иной степени определяются как представители интеллигенции, следовательно, как «культурные люди». Занимая в этом поле постоянные или временные позиции, они играют общественные роли, находящиеся в оппозиции к людям «менее культурным» – к представителям политического и экономического поля, для которых культурный капитал (в случае обладания им) не является основным показателем социального статуса. Тем не менее это не означает, что люди, которых можно рассматривать как представителей интеллигенции, не в состоянии играть определенной роли в политике или быть собственниками значительных материальных ресурсов. Существенно то, является ли привлекательной и эффективной (а следовательно, признаваемой в обществе) их стратегия обращения к ценностям и идеалам интеллигенции, обозначенным более или менее антиматериально и антиполитически. Не подлежит сомнению, что в Польше такая стратегия применяется как в поле власти, так и за его пределами и является социально эффективной. В результате отождествление себя с интеллигенцией является точкой соотношения для значительного числа публичных дискурсов и фактором самоидентификации для многих семей. В России сила именно так понимаемого поля интеллигенции представляется значительно меньшей, а к стратегии отождествления с интеллигенцией обращаются гораздо реже даже те, кто в условиях Польши были бы к этому наиболее предрасположены – как благодаря положению и общественному происхождению, так и с точки зрения своих культурных, общественных символических и материальных характеристик.

В отличие от своего российского эквивалента, польская интеллигенция не подвергается давлению сильного конкурента в лице политико-бюрократической элиты, в основном происходящей из прежней номенклатуры. В Польше старая коммунистическая номенклатура, несмотря на определенные усилия в этом направлении, не смогла подчинить себе государственные структуры; тем более она не была в состоянии активно использовать их с целью формирования своей прочной позиции в экономическом поле [Staniszkis 2001; Jasiński 2002]. В начале XX в. ее поражение в этом направлении стало очевидным, а ключевые отрасли экономики были окончательно приняты западным капиталом. В этом контексте интеллигенция оказалась доминирующим над остальными польскими группами игроком, который до сих пор в состоянии диктовать свои ценности всему обществу путем контроля польского поля власти. Одним из ключевых элементов этого механизма является постоянное формирование польской гражданской модели интеллигенцией, что мы и хотим показать в этой статье. Ее специфика постоянно и необычайно четко определяет отличия между современной политической и гражданской культурой Польши и России. Одним из ключевых элементов вышеупомянутой польской модели гражданственности является важная роль шляхетских традиций и обращений к феодальному противопоставлению шляхты (панов) крестьянству (хаммам).

Постземляные группы в современной Польше

Следует отметить, в настоящее время в Польше можно встретить группы давних землян и аристократов, а также их потомков. Эти сообщества по-прежнему остаются цельными и живыми, хоть они и не очень многочисленны и не занимают цен-

тральной позиции в поле власти. Несмотря на свою незначительную общественно-политическую роль, эти узкие группы, как будет доказано в этой статье, имеют важное символическое значение. Более того, проследившая генезис этих групп, условия функционирования и восприятие их в обществе, можно показать ключевые аспекты современной польской гражданской модели и ее основные отличия от современной гражданской модели в России. Главный парадокс заключается в том, что вышеупомянутые постземлянские сообщества происходят непосредственно из той социальной группы, которая представляла собой элиту поля власти именно польской части Российской империи, и для этой группы гибель Российской империи означала драматическую утрату своей социальной позиции. Однако, в отличие от России, где, за исключением кругов эмигрантов, уже давно в поле власти не наблюдалось никаких видимых следов аристократических и землянских сообществ, в Польше, на периферии бывшей империи, фракция этих исторических групп с большим успехом сохраняет сплоченную семейную сеть, опирающуюся на память о своем прежнем, а в символическом значении – и настоящем, статусе. Необходимо пояснить, что понятие «земляне» мы используем в том понимании, которое сложилось на польских землях в XIX в.; в этом значении земляне представляло собой общественную группу обладателей крупных земельных владений; большинство из них происходило из шляхетских и зачастую аристократических семей. В XIX в., кроме потомков шляхты, собственниками крупных земельных владений все чаще становились люди без аристократических титулов, что постепенно отрывало определение «земляне» от ранее ключевого для него шляхетского происхождения. Однако полного отделения землян от шляхты так и не произошло, тем более что новые собственники земли, как правило, быстро принимали образ жизни шляхетской элиты и иногда добивались получения аристократических титулов. В результате этого земляне вместе с аристократией со второй половины XIX в. воспринимались как представители шляхетской элиты. Менее состоятельные шляхетские группы (в основном потомки обедневшей мелкой и средней шляхты) в это время в большинстве своем пополняли группу интеллигенции, при этом интеллигенция, обычно сохраняющая память о своем шляхетском происхождении, на рубеже веков становилась в явную оппозицию по отношению к землянам и аристократии, а сформировавшиеся тогда различия в самоопределении имеют определенное значение и до сих пор.

Эмпирическую основу этой статьи составляют результаты исследования, проводимого в рамках проекта, затронувшего большую группу преемников землянских, аристократических и, если взглянуть шире, шляхетских традиций. Исследование опирается на качественные методы и основано на интервью с потомками землянского и шляхетского сословий⁴.

Современное постземлянское сообщество, предварительную характеристику которого мы представили в более ранней статье [Smoczyński, Zarycki (1) 2012], является примером обширной социальной сети, опирающейся, прежде всего, на общественный капитал, который исторически складывался в сильной зависимости от экономического капитала, выработанного, главным образом, в рамках так называемой фольварковой системы ведения хозяйства. Форма постземлянской сети, которую в предыдущей статье мы назвали «расширенной семьей», окончательно

⁴ Интервью взяты у 62 чел. в Кракове, Варшаве, Познани, Вроцлаве и Труймясте.

сформировалась после реформы сельского хозяйства в 1945 г., когда узкая дружеско-семейная сеть из нескольких десятков аристократических семей была пополнена представителями более бедной группы земян времен Второй Речи Посполитой. С этого момента группа, состоящая из членов нескольких десятков семей, создавала относительно замкнутую и самовоспроизводящуюся в очередных поколениях социальную сеть. Ее ядро образовывали, прежде всего, потомки известных польских магнатских семей, таких как Радзивиллы, Потоцкие, Сапега, Чарторыйские или Любомирские; помимо них, к их числу можно было причислить и потомков шляхетских семей с более низким историческим статусом, которые выдвинулись в землянскую элиту только в конце XIX в. благодаря серьезным экономическим успехам, позволившим им значительно увеличить свой имущественный капитал. Хотя некоторые члены упомянутой общественной сети и предпринимают удачные попытки возвращения своих бывших имений на территории современной Польши, для большинства только память о былом могуществе семей и тесные семейно-дружеские связи остаются главным общественным ресурсом и силой, объединяющей это социальное поле, одной из характерных черт которого является поддержание активных семейных отношений даже между относительно дальними родственниками. Этому способствуют и многочисленные семейные ритуалы, к которым относятся свадьбы, похороны, встречи по праздникам и совместные поездки в отпуск. Они позволяют культивировать в рамках «расширенной семьи» особые, традиционные коды светского поведения и сознание причастности к одному кругу, имеющему особый символический статус. Стоит также подчеркнуть, что подобные сети потомков аристократических семей функционируют по сей день в большинстве стран Западной Европы. В странах с конституционно-монархическим устройством статус аристократии до сих пор формально обозначен и, как показал голландский исследователь Я. Дронкерс, кроме символических, он дает и вполне осязаемые общественно-экономические привилегии [Dronkers 2003]. Однако ситуация постаристократического сообщества в Польше напоминает, скорее, государства с республиканским устройством, такие как, например, Франция, где принадлежность к сети «расширенной семьи» опирается в большей степени на неформальные критерии не только происхождения, но и поддержания дружеских отношений несколькими поколениями [de Saint Martin 1993].

Наш взгляд на изучаемую группу основан на критериях Вебера, согласно которым современная постземлянская сеть вследствие утраты фольварков (помещичьих хозяйств) уже не является общественным классом, которым могла считаться до 1944 г. Вместо этого она представляет собой пример частично распознаваемой в обществе статусной группы. Другими словами, современные земляне, а точнее, их потомки, являются группой, которая, говоря языком П. Бурдьё, представляет собой поле, чье понятие, границы и критерии принадлежности всегда являются предметом споров и, следовательно, не поддаются четкому обозначению. Тем не менее можно более или менее объективным образом пытаться воссоздать этот диспут, но при этом необходимо помнить, что наука часто участвует в установлении форм общественной жизни, поэтому нужно быть предельно осторожными при обсуждении таких вопросов, как понятие землянского или шляхетского поля. Таким образом, исследования современного постземлянского сообщества можно вести на основе предложенной методологии, в этом случае они будут опираться на эмпирическую реконструкцию поля и присущие ему правила игры (доксы), общие принципы, разделяемые игроками, на его структуру, границы и т.д. Из наших вводных

установок следует, что на этом поле присутствуют три главные игрока: во-первых, так называемая «расширенная семья», вышеупомянутая постземянская сеть, которая сформировалась после 1944 г. и чье ядро представлено несколькими десятками аристократических семей; во-вторых, постземянские сообщества, объединенные, в частности, в ПТЗ (PTZ, Польское товарищество земян); и наконец, более или менее институционализированные сообщества, в той или иной степени связанные со шляхетским наследием. Из биографий представителей этой последней группы следует, что в их семьях еще до образования Второй Речи Посполитой произошел отход от земянского образа жизни (во Второй Речи Посполитой их предки, как правило, жили не за счет фольваркового хозяйства, а за счет иных источников) и нынешнее обращение представителей этой группы к земянскому прошлому является случаем исторической реконструкции. Две первые группы игроков в определенной мере перекрываются, третья группа является относительно изолированной и рассредоточенной⁵.

Целью нашего исследования является не только воссоздание современных постшляхетских групп, но и указание на более широкий социальный контекст, который обуславливает процесс их воспроизводства. Поэтому в этой статье мы хотели бы обратить особое внимание на ключевое, но при этом недостаточно исследованное значение доминирующей в Польше модели общества как важного фактора, делающего возможным частичную общественную распознаваемость названных групп. Мы также утверждаем, что для понимания роли земянского наследия в Польше и современного значения групп, претендующих на звание главных преемников этой традиции, обязательным является принятие во внимание символической позиции интеллигенции в польском обществе и ее отношений с постземянской средой; необходимо также учесть исторический процесс преобразования обеих групп в контексте его сравнения с западными странами.

Значение революции интеллигенции для формирования современной гражданской модели

Мы выдвигаем тезис, что значительная позиция земянского наследия в современной Польше, измеряемая интересом прессы к этой группе и выраженная фактом натурализации ряда постфеодальных схем интерпретации общественной жизни и популярной культуры (например, отношения «хама» и «пана», о которых речь пойдет ниже), может быть выражена механизмом программирования польской гражданской модели многочисленными элементами шляхетского этноса. Для верного понимания этого вопроса ключевое значение имеет факт весьма распространенной символической нобилитации периода Второй Речи Посполитой в качестве логической основы для расширения гражданского статуса, принадлежащего в Первой Речи Посполитой исключительно шляхте. Согласно этому обоснованию, гражданами в возрожденной Второй республике стали все ее жители; иными словами, речь идет об определении модели гражданственности возрождающегося польского государства не в оппозиции к эксклюзивному шляхетскому статусу, как это имеет

⁵ Исследование охватывает главным образом респондентов, живущих в городах, поэтому не касается феномена потомков т.н. «мелкой шляхты» Подляшья и Мазовии.

место во французской модели, а по принципу образа гражданина, основанного на модели шляхтича, представителя благородной нации. Получение гражданских прав в Польше и связанных с ним прав и обязанностей, а также символических достоинств соответствовало, таким образом, прежней шляхетской нобилитации, поскольку могло рассматриваться как символическое расширение шляхетской группы. В 1918 г. такая символическая нобилитация путем переопределения концепции польского гражданства охватила все население страны, в том числе и исключаемых ранее из «благородной нации» крестьян и евреев. Одним из многих заметных признаков польской модели гражданственности является возможность пользоваться обращением «пан» и «пани» по отношению ко всем членам общества. Всеобщая символическая нобилитация означала неприятие французской революционной модели, а построения гражданского общества на основе более широкого доступа к мещанскому статусу, традиционно понимаемому, как противопоставление шляхетскому состоянию. Польская всеобщая нобилитация, которая самым радикальным образом демократизировала сущность гражданского общества, имела переломный характер, но протекала мирным образом, поэтому ее можно назвать «тихой» или «невидимой революцией». Победителем из этой революции вышла прежде всего интеллигенция, в частности ее верхушка, которая с момента появления Второй Речи Посполитой может быть названа группой, доминирующей в культурной и политической сфере. Высшие круги интеллигенции потеснили на самой вершине общественной иерархии шляхту, которая еще в XIX в. могла считаться главенствующей в стране элитной группой.

Получение интеллигенцией гегемонии за счет шляхты, разумеется, было длительным процессом, протекавшим весь XIX в. и захватившим начало XX в.; при этом решающую роль играло не только соперничество различных взглядов на усовершенствование Речи Посполитой и разные стили политического и экономического поведения. В процессе постепенного «лишения наследства» шляхты существенное значение имели факторы более широкого исторического контекста. Во-первых, интеллигенция, несомненно, лучше вписывалась в воображаемое понятие современности, обусловленное свободолобивыми и эгалитарными идеалами «демократической революции», которые оказались победившей универсальной идеологией современности [Lefort 1986]. Несмотря на то, что шляхетское сословие в значительной мере сформировалось в перспективе специфического польского республиканства, оно (в качестве социальной группы) было не в состоянии преодолеть свою партикулярную позицию, сложившуюся в феодальный период в той степени, в какой это удалось интеллигенции, чья связь со шляхтой оказалась разорвана или сильно ослаблена уже у истоков ее появления на польской исторической арене. Землянскому сословию, обремененному феодальным балластом, было сложно выработать эффективную и убедительную общественную программу, способную функционировать вместе с универсальной демократической и освободительной концепцией современности.

Во-вторых, не менее существенными оказались также структурные и экономические факторы: XIX–XX вв. были временем, когда производственные отношения в Европе стремительно менялись, появлялись новые эффективные формы хозяйственной организации с выраженным смещением центра от аграрно-перерабатывающих к промышленно-городским предприятиям; в XIX в. в Польше окончательно исчезла барщина, в результате чего произошел значительный отток населения из деревень в города. Это была эпоха меняющегося дискурса

общественной легитимизации, когда постепенно теряли свое значение феодальные категории, опирающиеся на древность рода и функции исторической памяти о должностных позициях членов семьи. В свою очередь, все большее значение приобретали личные заслуги и компетенции; и наконец, специальное образование, находящее применение в функционально различных общественных системах и рынках, становилось современным ресурсом легитимизации общественной иерархии. Эти преобразования протекали наряду с сильными изменениями в структуре семейных отношений, которые имели место главным образом в XIX в., когда в результате массового оттока населения в города ослабло прежнее влияние больших, складывающихся из нескольких поколений семей: такие семьи имели огромное значение для длительного шляхетского соседства, опирающегося на строго гомогамный матримониальный подбор, гарантирующий успешное воспроизводство шляхты. Шляхетское соседство (за исключением узкой подгруппы из нескольких десятков постаристократических семей, которые смогли сберечь функциональную плотность шляхетского соседства до 1945 г., а после 1945 г. в определенной мере сохранили даже практику гомогамии) постепенно замещалось новыми единицами – малыми нуклеарными семьями, между которыми поддерживались свободные дружеские отношения и в которых, как правило, не существовало требования внутрисемейного подбора супругов. Другими словами, интеллигенция создавала специфическую основу общественной связи, которая отвечала логике современной общественной сети, опирающейся на профессиональные, дружеские и гражданские отношения [Granovetter 1983], а не на сильные семейные связи или генеалогии. Сетевая структура являлась противоположностью принципа семейной солидаризации, объединяющего в одно целое материнскую и отцовскую линии с помощью логики породнения [Wetherell, Charles, Plakans, Wellman 1994], и именно эта «несемейная дружеская сеть» стала в итоге социализирующим габитусом для новых поколений интеллигенции. Юзеф Халасиньски [Chalasiński 1946] вскоре после окончания Второй мировой войны критически назвал такую сеть «светским гетто». Американская антрополог Дж. Ведель [Wedel 2007], изучавшая варшавскую интеллигенцию в 80-х гг. XX в., обозначила логику этой сети названием сети «сред», что представлялось ей специфическим явлением на фоне форм общественной организации, известных ей на западном примере.

Не подлежит сомнению, что в этом обмене ролями значительную роль сыграли различные стратегии приспособления шляхты к условиям государства, лишенного независимости другими странами. В современной исторической науке существует тезис о том, что почти всегда и везде местное население активно боролось с государствами-захватчиками, однако мы считаем, что для понимания корней отличий внутри шляхты и причины появления интеллигенции необходимо обратить внимание на некоторые нюансы. Борьба с захватчиками (ключевое значение при этом имела борьба с Российской империей) привела к тому, что польское политическое поле власти было поделено согласно статусам: богатейшие земьяне и часть зарождающейся буржуазии стремились к прагматическим («реалистичным») стратегиям, ориентирующимся на приспособление к доминирующей государственной и экономической системе, в то время как мелкая, зачастую не обладающая землей шляхта находилась в оппозиции к государствам-участникам разделов. В связи с растущей экономической (насильственное лишение или потеря имущества) и статусной (неудачная легитимизация и утрата шляхетских привилегий) маргинализацией превращающаяся в интеллигенцию мелкая шляхта придерживалась

позиции преимущественно антиэкономической и более ценящей культурный капитал социальной группы. Таким образом, на современном польском общественном поле (поле власти) появилась оппозиция, которую, если далее применять к ней категории Бурдые, можно описать следующим образом: фракция экономического капитала тяготела к универсализации шляхетского этоса с помощью «земельного гражданства», а фракция культурного капитала – с помощью «гражданства интеллигенции». В качестве важного элемента этой конфронтации можно рассматривать польские восстания 1863 г., содержащие в себе элемент «патриотического» шантажа со стороны фракции культурного капитала, которая с политико-символической точки зрения выходила из этих восстаний относительным победителем, а проигравшей же оказывалась фракция экономического капитала, которая, скорее, вынуждена была участвовать в восстаниях и несла значительные политические и прежде всего экономические потери. Наступающее в результате восстаний лишение имущества ускорило смену идеалов мелкой шляхты в направлении идей культурного капитала, которые претерпевали представители ранней интеллигенции.

1917 г. можно назвать временем, когда произошло ключевое и окончательное поражение фракции земельного капитала, ориентированной в основном на экономический капитал, и была одержана победа фракции культурного капитала как в Польше, так и в России. Тогда прекратили свое существование крупнейшие польские земельные и финансовые состояния, а значительная часть оставшихся богатств была жестко урезана, что подтвердилось Рижским договором, а затем усугубилось хозяйственными реформами.

1918 г. был ознаменован институционализацией новой гражданской модели в рамках возрожденного Польского государства. Эта модель, существующая в своей основе до сих пор, как оказалось, в значительно большей степени опирается на логику этоса интеллигенции, чем землян. Таким образом, этот исторический момент можно трактовать как политическую победу потомков мелкой безземельной шляхты над потомками зажиточной фольварковой шляхты, а также как победу интеллигенции над землянами и буржуазией. Экономический и политический капитал последней группы был слишком тесно связан с уничтоженной во время революции 1917 г. российской политической и экономической системой, чтобы гарантировать этой группе удержание доминирующей общественной позиции в новой Польше. Тогда политическая система Второй Речи Посполитой не только не признавала политико-символических претензий землян и аристократии (знаком чего стала отмена аристократических титулов), но и прежде всего не была в состоянии обеспечить повторного накопления экономического капитала ни прежним, ни своим новым элитам в масштабе, хотя бы приближенном к тому, который имел место до 1917 г. При этом существующая политическая система весьма эффективно выступала гарантом культурного капитала для интеллигенции, и значительную роль в этом сыграла ее система гражданских ценностей, а также элитарная система высшего и среднего образования.

Не следует забывать и о том, что тихая польская революция, апогей которой пришелся на рубеж XIX–XX вв., хотя и не отличалась кровопролитным замещением одних элит другими, все же содержала в себе аспект конфронтации между интеллигенцией и землянами, т.е. между группами, претендующими на статус полноправного преемника шляхетской элиты. В числе прочих Ю. Халасиньски [*Chalasiński* 1946] и Е. Едлицки [*Jedlicki* 2008] упоминали, что земляне соперничали с интеллигенцией из-за гегемонии в вопросе о том, в каком направлении пойдет

«национальная работа». Следовательно, эти отношения, особенно на начальном этапе формирования самосознания интеллигенции, несомненно, также содержали в себе антагонистические аспекты, что проявлялось в письмах С. Бжозовского [Brzowski 1906]. В интеллигентской критике шляхта (или земляне) зачастую представляли в качестве феодальных реликтов, чье состояние поддерживалось за счет структуры унаследованных статусов, а не за счет меритократических критериев общественного продвижения, которые были приняты интеллигенцией в качестве фундаментальных признаков складывания новых моделей коллективного самосознания, и именно таким образом интеллигенция, в отличие от шляхты или землян, декларировала себя как демократическую и инклюзивную группу. В контексте сказанного следует отметить вопрос появления в середине XIX в. категории «землян» (в особенности обозначенных при помощи названия «земельный гражданин»). Развитие этого понятия, на которое в числе прочих обратила внимание Якубовска [Jakubowska 2012], было связано с растущим числом собственников земли, имеющих сомнительное шляхетское происхождение или не происходящих из гербовых сословий вообще. Из этого следует, что процесс замещения «шляхты» «землянами» можно рассматривать как пересмотр понятия, в результате которого произошла универсализация шляхетского этоса, одновременно имеющая исключительные аспекты, как например, практика ограничения доступа к нему безземельной шляхты. Эта последняя группа, разумеется, переходила в сословие зарождающейся интеллигенции.

Таким образом, можно говорить о двух соперничающих в конце XIX в. попытках пересмотра шляхетского этоса, причем в обоих случаях присутствовали как универсализирующие, так и исключительные критерии. Так происходило, потому что, с одной стороны, интеллигенция делала шляхетский этос универсальным, но, с другой стороны, в разные периоды своей культурной эволюции, сохраняя часть шляхетского наследия, апеллировала также к исключительным признакам. Такие признаки применялись, например, в практике социального дистанцирования от других групп и классов, которые характеризовались как «некультурные», «материально ориентированные» и т.п. Следует подчеркнуть, что обе стратегии пересмотра шляхетского этоса, конкурируя между собой, усиливали его значение как ресурса общепринятой центральной ценности (доксы, говоря языком Бурдые). Из этого противостояния победителем вышла фракция интеллигенции. Окончательной победой интеллигенции над землянами стало создание ПНР (Польской Народной Республики), чему сопутствовало принятие очередной строго ориентированной на интеллигенцию формы институционализации гражданского этоса. Несмотря на рабоче-крестьянскую риторику, коммунистическая власть в ПНР, в отличие от власти Советского Союза, не решалась отойти от ключевых ценностей интеллигентского варианта всеобщей нобилитации. Что характерно, при этом сохранилось квалифицированное, но ключевое понятие «Речи Посполитой», и употребление обращений «пан» и «пани», что в данном случае было выражением признания их победы над обращениям «гражданин» или «товарищ». Однако победа интеллигентской интерпретации не означала, что землянское понятие гражданства полностью исчезло: несмотря на вытеснение землян с ведущей культурно-политической позиции и последовавшие за этим отчуждение имущества и маргинализацию, среда, которую после 1944 г. следовало бы называть, скорее, постземлянской, не исчезла полностью, не взирая на попытки коммунистической власти ее уничтожить.

Структурные и исторические перемещения обусловили утрату доминирующего значения сословия земян уже в эпоху Второй Речи Посполитой, однако оно сохраняло привилегию быть распознанным в качестве полноправного преемника шляхетской Польши и являлось реальным субъектом общественной жизни, члены которого объединены определенным коллективным тождеством. Это позволяло постземянской группе взаимодействовать с другими общественными единицами, в частности с интеллигенцией, причем в тот период отношения постземян и интеллигенции характеризовались амбивалентностью. С одной стороны, разные условия формирования общественных связей обусловили различия в самосознании интеллигентов и современных потомков аристократии, например, относительно исторической памяти и масштаба активного воздействия семейного поля на процесс социализации потомства. Как показывают наши исследования, постаристократическое сообщество заботится о сохранении долгой исторической памяти о своих предках и предках родственных семей; нередко бывает так, что респонденты без труда перечисляют предков, расположенных на генеалогическом древе более десяти или даже несколько десятков прошлых поколений. Такого рода семейная память является редкостью в среде интеллигенции, которая ни социализируется сама в подобной диахронической исторической перспективе, ни сохраняет память о предках как о феодальной категории общественной легитимизации. Другим важным аспектом, связанным с семейной памятью, является широкое поле участия постаристократического сообщества в процессах первичной социализации потомства, которое не наблюдается в случае социализации потомков интеллигентов.

С другой стороны, интеллигенция, несмотря на свою демократичность и эгалитарность, в сфере стратегии культурной (и частично моральной) дистинкции обращается, однако, к аристократическому этосу и «габитусу». Следовательно, можно говорить о парадоксальном эффекте сохранения жизнеспособности постземянских групп прослойкой интеллигенции, являющейся в значительной мере их гегемоническим преемником. Подобная амбивалентность интеллигенции в определенной степени аналогична процессу появления современного мешанства, который был детально проиллюстрирован Бурдые. В свете его анализа [Bourdieu 1979] высшая буржуазия во Франции и других западных странах, несмотря на свою «революционную» генеалогию, систематически перенимает многочисленные аристократические культурные стратегии. Значительно раньше на этот механизм обратила внимание М. Оссовска [Ossowska 1985], называя его «интерференцией личностных образцов». Анализируя интеракцию мешанских и шляхетских шаблонов в странах Западной Европы, Оссовска пришла к выводу, что они характеризуются «постепенным слиянием и поглощением образцов победивших классов при одновременной настойчивой привлекательности образцов побежденных классов» [Ossowska 1985, s. 349].

Таким образом, в интеллигентское восприятие земян вписано подобное имманентное противоречие вследствие того, что интеллигент потеснил земянина, но при этом принял часть его идеалов, демократизируя и сглаживая их, приспособляя к условиям меритократической современности. В этом преодолении земянских моделей и одновременном удержании части их идеалов заключается причина сохранения значительного символического статуса земян. Этот парадокс можно было наблюдать в период ПНР, когда существенная часть земян сохранилась, приняв на себя роль интеллигенции. Можно напрямую выдвинуть гипотезу, что земяне после 1944 г. стали частью интеллигенции в широком смысле этого слова,

поэтому современных постземян можно считать высокоавтономным субполем интеллигенции. Это субполе игнорирует и даже отвергает часть идеалов интеллигенции, но само оно не обладает способностью к самостоятельному «действию» и не характеризуется всеобщей распознаваемостью в качестве привилегированного субъекта общества.

Современная гражданская модель в Польше

Независимо от того, как оцениваются существующие отношения между интеллигенцией и земянами, их историческое соперничество и дальнейшее получение интеллигенцией гегемонии, эта культурная эволюция привела к формированию доминирующей в Польше гражданской модели, опирающейся на универсализацию традиционных шляхетских идеалов, почерпнутых из идеалистических представлений о политическом устройстве Первой Речи Посполитой. Следует обратить внимание, что каждая гражданская модель определяет, кто является положительным (идеальным) гражданином и какими достоинствами он должен обладать. Такая модель, как правило, четко обусловлена исторически и обращается к отдельным историческим высказываниям, но вместе с тем имеет универсальные аспекты. Это выражается фактом натурализации этой модели и включения ее в дискурсы, методы регулирования и практику государственного аппарата и связанных с ним учреждений. Гражданская модель в основе своей инклюзивна и прежде всего эгалитарна – все граждане имеют равные права и обязанности, – однако сама модель является инструментом более или менее открытой иерархичности и исключения, особенно благодаря (частично неявному) механизмам введения «типа идеального гражданина», становящегося эталоном в оценке степени гражданского «совершенства», которым наделены отдельные группы и личности. Необходимо заметить, что гражданская модель может рассматриваться как светская религия современных обществ, потому что она, как и каждая религия, содержит универсальные и эгалитарные элементы и оперирует четкой системой оценки, а также апеллирует к необходимости «работы над собой» в стремлении к «совершенству» [Alexander 2006]. В случае гражданской культуры совершенством является соответствие всем идеалам «хорошего гражданина».

В классической западной модели идеальным гражданином является «мещанин», тогда как в Польше это – «настоящий интеллигент», «культурный человек», чьей противоположностью является «хам». Таким образом, традиционное противопоставление «пана» и «хама», появившееся в период Первой Речи Посполитой, было в польской культуре политически натурализовано и даже универсализировано. С одной стороны, «хам» – это оскорбление, но в то же время «хам» – это всеобщее признанное воплощение антигражданина. Именно по причине успешного введения интеллигенцией этой постфеодальной схемы интерпретации общественной реальности в Польше невозможно преодолеть разделения на «панов» и «хамов» до тех пор, пока эти категории остаются фундаментальными нормативными рамками, в которых функционирует гражданское общество. Разумеется, можно осуждать людей, которые грубо злоупотребляют «панской» («господской») риторикой, демонстративно презирающей «хамов», но их критика всегда фактически будет разоблачением их как скрытых «хамов», признанием их людьми, не соответ-

ствующими критериям гражданина, в том числе и гражданским нормам приличия, благородства, тактичности и, что особенно важно, воспитанности.

Говоря о значении отношений «пан-хам» в Польше, необходимо конкретно обозначить, что не следует трактовать их однозначно, как это часто происходит. Эту систему отношений необходимо понимать относительно, как отношение зависимости, расположенной в определенном, конкретном контексте. При применении противопоставления «пан-хам» совсем не обязательно окажется, что «хамом» будет человек плебейского происхождения, вероятно, что это просто будет тот, кого можно упрекнуть в худшем, чем у осуждающего (т.е. у «пана») соответствии гражданским идеалам. Таким образом, категории «пана» и «хама» чаще всего свободны от биографической обусловленности за счет постфеодальных дискурсивных метаструктур, которые используются в качестве инструментов интерпретации антагонизма в общественной жизни и инструментов распознавания друзей и врагов в процессах переоценки аксиологических и ментальных контуров.

Польская гражданская модель и западные модели

Необходимо отметить, что западная гражданская модель далеко не однородна [Brubaker 1992; Isin 1997]. Наиболее узнаваемой оказалась французская модель, основанная на идеалах Французской революции. Она является примером универсализации мещанских идеалов, широко воплощенных в западном мире и принятых в социологической науке за идеальную модель, в которой мещанин «эмансипируется» от зависимости от шляхты и декларирует освободительную и инклюзивную идеологию. Абсолютным гражданином-мещанином может стать теперь каждый при условии, что он соответствует всем мещанским критериям гражданственности, а именно: отличается предприимчивостью, самодисциплиной и моральной сдержанностью в духе протестантского этоса работы и солидарности. Кроме того, существует английская модель, более близкая польской (со значительно более слабым, чем во Франции, революционным моментом), которая опирается на идеал синтеза буржуазии и аристократии, однако – и это очень существенно – сильно от польской модели отличающаяся. Это модель мирного сосуществования, опирающегося на конкуренцию земель и буржуазии, тогда как в Польше мы имеем дело с примером мирного сосуществования и конкуренции земель с интеллигенцией, а не с буржуазией. Возможно, польскую модель можно назвать в чем-то схожей с американской, так как она является, если говорить кратко, постколониальной и тоже содержит идеи демократизации старой элитарной модели. Это пример еще более универсальной демократизации, чем в Великобритании, хотя необходимо помнить о существенных различиях между Польшей и США, а особенно о том, что там окраинная элита оставалась и экономической элитой, инициировав собственную автономную систему хозяйства, которая со временем стала ядром мировой системы. В Польше же развитие происходило и далее происходит без значительного участия процесса накопления экономического капитала. Известна также модель немецкой образованной буржуазии Bildungsbürgertum [Conze, Kocka 1985], которую, однако, нельзя приравнивать к интеллигенции. Как это было показано одним из авторов данной статьи [Zarycki 2009], классическая образованная буржуазия живет за счет работы на государственных должностях, тогда как польская

интеллигенция создает не только этос чистого академического образования, но и значительно более широкую область приложения цивилизованности к различным общественным механизмам.

Подводя итог вышесказанному, можно признать, что современный интеллигент в значительно большей степени является землянином или аристократом, чем мещанином, хотя при этом мещанин также является интеллигентом. Стоит помнить и о том, что среди интеллигентских интерпретаций землянских идеалов появились также элементы буржуазного индивидуализма, хотя во многих других аспектах интеллигенция придавала большую ценность идеалам, очень далеким от мещанских, в числе прочего навязывая антиэкономические ценности (которые, однако, не стоит путать со шляхетскими антиторговыми идеалами). В этом контексте полезным остается сравнение этосов оппозиционных элит Польши и ГДР, которое провела Х. Флам [Flam 1999], показавшая, что восточно-немецкая оппозиция действовала под влиянием мещанского этоса, в котором статус определялся в первую очередь стабильностью материального положения. В польском этосе идеалом был «рыцарь», борющийся за свободу народа и жертвующий при этом всеми материальными и даже семейными ценностями.

Сравнение с Россией

Значительно более узнаваемой польская гражданская модель становится на Востоке, особенно в России, где до сих пор действует появившееся во время большевистской революции понятие «панской Польши», рассматриваемое именно как «шляхетская нация». Понятие «панская Польша» в основе своей пейоративно в том смысле, что Польша считается страной недемократичной и высокомерной, но при этом означает признание особой гражданской модели, основанной на шляхетско-землянских ценностях. Поляков в России до сих пор иногда называют «польскими панями», то есть они трактуются как граждане государства, опирающегося на универсализированную шляхетскую идеологию. Не так давно, например, националистически настроенный публицист С. Куняев опубликовал длинное эссе о польско-русских отношениях под характерным названием «Шляхта и Мы» [Куняев 2002]. Этот способ восприятия польского общества на Западе очень редок, оно появляется там, скорее, как рабоче-крестьянское общество, которое должно идти по пути имитации, вплоть до достижения идеалов западного гражданского общества, опирающегося на мещанские идеалы. Следует также отметить, что практика польского коммунизма оказалась значительно менее эффективна в истреблении шляхетского этоса, чем это было в России, где разрыв с феодальным прошлым выражался более явно. В результате этого землянский этос был полностью исключен из советской гражданской традиции, в которой прочно обосновался «товарищ», а не «пан» (в случае России «господин»). По сравнению с левой российской интеллигенцией польская левая интеллигенция являлась значительно менее антишляхетской, очевидно, потому что, несмотря ни на что, польская интеллигенция видела в землянах потенциальных союзников в «польском вопросе». Для русской левой интеллигенции, которая в сравнении с польской была намного радикальнее (например, крайне антирелигиозна), землянин был прежде всего оплотом ненавистного царского режима. Анджей Валицки так обозначает разницу между польской

и русской интеллигенцией на рубеже XIX–XX вв.: «В обеих странах принадлежность к интеллигенции включала в себя явно выраженный этический компонент, диктующий осознанное жертвование собой для общественного блага. Однако в Польше это обязательство обычно определялось в национально-патриотической плоскости, в то время как в России непременно включало в себя радикальную общественную позицию и политическое противостояние власти. Классическая русская интеллигенция, как описывал ее Иванов-Разумник, который расхваливал ее героическую традицию, или авторы “Вех”, критикующие ее с либерально-консервативных позиций, должна быть радикальна в общественном смысле и активно враждебна в отношении консервативных и мещанских ценностей. Такое описание не подходит польской интеллигенции: польский интеллигент мог придерживаться умеренных и даже консервативных взглядов, быть глубоко религиозным и привязанным к национальным традициям, мог возмущаться проявлениями русского “нигилизма”» [Walicki 2005, р. 3–4]. При этом польская интеллигенция не была готова полностью порвать со своим старым принципом принадлежности к шляхетскому сословию. В процессе перехода на позицию интеллигенции часто выявлялась двойственность общественных ролей. Интеллигенция нередко возвращалась в свои или принадлежащие родственникам имения на праздники и отпуска, или чтобы встретить спокойную старость после достижения финансовой независимости. Для большей части тех землян, которые переходили в сословие интеллигенции, земельные владения были финансовым источником для оплаты образования [Janowski 2008; Jedlicki 2008].

Сравнение с Россией также интересно с той точки зрения, что землянское сословие было там полностью уничтожено и в качестве активной части общества сохранилось только в эмиграции [de Saint Martin, Tchoukina 2008], при этом в сталинские времена была уничтожена и традиционная интеллигенция, которая в Польше была ключевым партнером землян. И хотя интеллигенция в России возродилась в 50–60-х гг. XX в., она уже не обладала памятью о землянском наследии и сформировалась главным образом в академических, научных и прочих кругах [Zarycki 2008]. Этим фактором можно объяснить ключевые и заметные до сих пор отличия между польской и российской интеллигенцией. Обобщая, можно утверждать, что понимание исторических отношений интеллигенции с аристократией и землянами является существенным фактором, позволяющим объяснить специфику отдельных современных групп национальной интеллигенции.

Заключение

Отношения землян и интеллигенции с точки зрения обсуждаемых выше проблем представляется ключевой, хотя еще относительно мало изученной проблемой. В любом случае, можно предположить, что и (пост)земляне, и интеллигенция являются двумя равнозначными постшляхетскими элитами. С точки зрения фракции интеллигенции, земляне могут рассматриваться в качестве оппонента, как, например, в известном эссе Халасиньского [Chalasiński 1946]. Он критиковал интеллигенцию как за подчинение землянским обычаям, так и за трактовку дружеских отношений с землянами как фактора статусной нобилитации («светское гетто», «салон»). Однако землян можно рассматривать и как партнера интеллигенции в рам-

ках широкого постшляхетского поля, которое как единое целое смогло ввести в Польшу специфическую гражданскую модель, сильно отличающуюся от западных моделей. Наконец, земляне с точки зрения модели религиозных систем Дюркгейма можно рассматривать как своеобразный тотем интеллигенции, находящий применение в ее процессах воспроизводства и аффирмации [Smoczyński, Zarycki (2) 2012]. Он напоминает о роли аристократического наследия для этоса интеллигенции и может быть использован как показатель соблюдения членами элитной части интеллигенции стандартов светской утонченности и манер. Земляне, несмотря на это символическое дополнительное оценивание интеллигенцией, являются игроком, подчиненным интеллигенции и даже частично ею создаваемым, что, бесспорно, напоминает западноевропейскую мещанскую практику, где аристократия тоже выполняет функцию тотема.

В связи с этим стоит напомнить о том, что, если строго придерживаться веберовских критериев, земляне как класс не существуют в современной Польше. Зато интеллигенция остается реально существующей группой и именно благодаря ей поддерживается память о землянах как о символической точке соотнесения для статусных притязаний интеллигенции. Контакты интеллигенции (особенно ее «старой» элиты) с современными постземьянами можно было бы рассматривать как элемент игры, напоминающей о привилегированном положении этой элиты в прошлом, особенно в те времена, когда землянская элита была по-настоящему элитой денег и даже элитой власти. С этой точки зрения можно утверждать, что поле интеллигенции (как сегмент более широкого поля власти) охватывает и землянское, и шляхетское, и аристократическое поля. Тогда поддержание землянских традиций можно рассматривать как форму стратегии дистинкции интеллигенции. Другими словами, это была бы игра определенной фракции интеллигенции, владеющей специфическими общественными и культурными ресурсами, которые должны быть задействованы в борьбе за признание на более широком поле интеллигенции. Даже декларацию отречения от подобной тождественности можно рассматривать как элемент игры на поле интеллигенции. Так поступают не только земляне, но и некоторые интеллигенты, которые риторически отвергают тождественность с интеллигенцией и при этом принимают профессиональную либо интеллектуальную идентичность.

Мы предполагаем, что указание на землянский этос и его отношения с интеллигенцией как на доминирующую гражданскую модель в Польше позволяет понять стойкость шляхетских или землянских традиций в этой стране, а также механизмы, гарантирующие успех групп, считающих себя преемниками этого сословия. Тем не менее представленные выше гипотезы, несомненно, требуют дальнейшего исследования.

Возвращаясь к более широкой перспективе бывшей Российской империи, можно указать на часто недооцениваемое сходство обеих стран, заключающееся в 1917 г. в ключевом моменте в формировании их современных полей власти. Этот момент, а точнее, период в несколько последующих лет, необратимо уничтожил прежние, частично общие социальные иерархии и институциональные структуры польского и российского обществ. В обоих случаях эту важную перемену можно рассматривать как революционную, и в обоих случаях победу одерживает интеллигенция в широком смысле, которая побеждает как «старые» общественные слои (аристократию и землян), так и «новые» (буржуазию). При этом, как было указано выше, в обеих странах полем власти овладевают совершенно иные фракции

интеллигенции. С одной стороны, в России – это радикальная коммунистическая интеллигенция, строящая революционное большевистское государство. С другой стороны, это умеренная и национально ориентированная польская интеллигенция, которая в меру своих возможностей пытается построить современное национальное государство. Его очередным, по-прежнему национальным, хотя и совершенно иначе обозначенным воплощением является Народная Польша (ПНР), которая, за исключением короткого сталинского периода (1948–1953 гг.), хоть и значительно переопределяет поле власти согласно коммунистическим критериям, все же не нарушает в его структуре доминирования интеллигенции и ее гражданской модели. Падение коммунистического режима является моментом возвращения в центр поля власти маргинализированной ранее антикоммунистической интеллигенции, а также временем выхода из тени потомков аристократии и землян. Тем временем в самой России эти слои в качестве активных социальных групп, четко представленных в поле власти, были уже давно уничтожены. Следовательно, сохраняющие свою идентичность и описываемые нами группы в определенном смысле можно считать наследниками общественных игроков, до 1917 г. частично общих с Российской империей. Таким образом, можно выдвинуть тезис, что в результате исторических изменений в своеобразной форме они сохранились именно в Польше, на периферии прежней империи. Следовательно, несмотря на все отличия между Польшей и Россией, а также несмотря на недоброжелательное отношение России к части польской элиты, можно заметить, что исторически у них больше общего с прежним российским государством, чем они готовы признать.

Литература

- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (2007) Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. Москва: Фонд «Либеральная миссия».
- Зарицкий Т. (2006) Культурный капитал и доступность высшего образования (сравнительное исследование студентов Москвы и Варшавы) // Вестник общественного мнения. № 6. С. 47–61.
- Куняев С. (2002) Шляхта и Мы // Наш Современник. № 5.
- Alexander J.C. (2006) *The Civil Sphere*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Bourdieu P. (1979) *La distinction. Critique sociale du jugement*. Paris: Minuit.
- Bourdieu P., Loïc J.D.W. (1993) From Ruling Class to Field of Power: An Interview with Pierre Bourdieu on *La Noblesse D'état* // *Theory, Culture & Society*, no 10.
- Brubaker R. (1992) *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brzozowski S. (1906) *Likwidacja Szlachetczyzny* // *Przegląd Społeczny*, no 14.
- Chałasiński J. (1946) *Społeczna Genealogia Inteligencji Polskiej*. Warszawa: Czytelnik.
- Chwalba A. (1999) *Polacy w służbie Moskali*. Warszawa, Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Conze W, Kocka J. (ed.) (1985), *Bildungsbürgertum Im 19. Jahrhundert*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Dronkers J. (2003) Has the Dutch Nobility Retained its Social Relevance during the 20th Century? // *European Sociological Review*, no 19.
- Flam H. (1999) *Dissenting Intellectuals and Plain Dissenters: The Cases of Poland and East Germany* // *Intellectuals and Politics in Central Europe*, edited by Andreas Bozóki. Budapest: Central European University Press.
- Granovetter M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisted // *Sociological Theory*, no 1, pp. 201–233.

- Isin E.F. (1997) Who Is the New Citizen? Towards a Genealogy // *Citizenship Studies*, no 1, pp. 115–132.
- Jakubowska L. (2012) *Patrons of History: Nobility, Capital and Political Transitions in Poland*. Farnham: Ashgate.
- Janowski M. (2008) *Narodziny inteligencji 1750–1832*. Warszawa: Instytut Historii PAN, Neriton.
- Jasiecki K. (2002) *Elita biznesu w Polsce. Drugie narodziny kapitalizmu*. Warszawa: Wydawnictwa Instytutu Filozofii i Socjologii PAN.
- Jedlicki J. (2008) *Błędne koło 1832–1864*. Warszawa: Instytut Historii PAN, Neriton.
- Lefort C. (1986) *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Totalitarianism*. Cambridge MA: MIT Press.
- Ossowska M. (1985) *Moralność Mieszczańska*. Wyd. 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- de Saint Martin M. (1993) *L'espace de la noblesse*. Paris: Editions Métailié.
- de Saint Martin M., Tchouikina S. (2008) *La Noblesse Russe À L'épreuve De La Révolution d'octobre: Représentations et Reconversions // Vingtième siècle, revue d'histoire*, no 99, pp. 105–128.
- Smoczyński R., Zarycki T. (1) (2012) Totem and Affect. Working Notes on the Anthropology of Contemporary Polish Gentry. Paper presented at the conference “Man and Animal between Anthropology and Phenomenologies”, Charles University and the Czech Academy of Sciences, Prague, November 22, 2012.
- Smoczyński R., Zarycki T. (2) (2012) Współczesne Polskie Elity Postszlacheckiew Kontekście Europejskim // *Kultura i Społeczeństwo*, no 1, pp. 261–292.
- Staniszki J. (2001) *Postkomunizm. Próba opisu*. Gdańsk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria.
- Walicki A. (2005) Polish conception of the intelligentsia and its calling // *Words, deeds and values. The intelligentsias in Russia and Poland during the nineteenth and twentieth centuries*. Ed. by Fiona Bjorling and Alexander Pereswetoff-Morath. 1–22. Lund: Department of East and Central European Studies. Lund University.
- Wedel J.R. (2007) *Prywatna Polska*. Warszawa: TRIO.
- Wetherell Ch., Plakans A., Wellman B. (1994) Social Networks, Kinship, and Community in Eastern Europe // *Journal of Interdisciplinary History*, no 24, pp. 639–663.
- Zarycki T. (2008) *Kapitał Kulturowy. Inteligencja w Polsce i Rosji*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Zarycki T. (2009). The Power of the Intelligentsia. The Rywin Affair and the Challenge of Applying the Concept of Cultural Capital to Analyze Poland's Elites // *Theory and Society* 38, no 6, pp. 613–648.

Revolution of the Intelligentsia on the Periphery of the Russian Empire and its Contemporary Effects: Landed Gentry's Heritage in the Polish Model of Citizenship

T. ZARYCKI*, R. SMOCZYŃSKI**

***Tomasz Zarycki** - Director, The Robert B. Zajonc Institute for Social Studies, University of Warsaw. Address: 5/7, Śtawki str., Warsaw, 00-183, Poland. E-mail: t.zarycki@uw.edu.pl.

****Rafał Smoczyński** – Associate Professor, Institute of Philosophy and Sociology (Polish Academy of Sciences). Address: 72, Nowy Świat str., Warsaw, 00-330, Poland. E-mail: rsmoczyn@ifispan.waw.pl.

Abstract

The paper presents a view on the still existing milieu of the former landowners in Poland in a wider perspective of transformation taking place from 1917 on the territory of the former Russian Empire. It does so, in particular, by drawing a model of two distinct “intelligentsia’s revolutions”, the Polish and the Russian one. The authors present preliminary results of a research project devoted to the role played by the landowners' milieu in development of the modern model of citizenship in Poland. The study under discussion, which has been financed by the Polish National Science Center is referring to the earlier works on the gentry roots of the Polish intelligentsia and the key role played by that group in the development of the Polish national identity. Although much has been already written about implications of the gentry (landowners) traditions for the identity of the Polish intelligentsia, there is still lack of systematic research on the functions played by the landowners' milieu in the perspective of development of the modern model of citizenship in Poland, which has been marked by lack of statehood in the so-called partition period (1795-1918), lack of a revolutionary phase and weak role played by the bourgeoisie. The paper by pointing out to specificity of the Polish model of citizenship in relation the classic European models symbolized by the German and French cases, reveals key role of the landowners class in the genesis of the modern Polish political culture pointing at the same time to the role of the Russian Empire in the development of its late incarnations.

Keywords: civic culture, landowners, aristocracy, gentry, intelligentsia, field of power, Poland

References

- Alexander J.C. (2006) *The Civil Sphere*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Yu.A. (2007) *Problema "elity" v segodnyashnei Rossii: Razmyshleniya nad rezultatami sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Problem of the "Elite" in Contemporary Russia: Reflections on the Results of a Sociological Study], Moscow: Fond «Liberal'naiia missiia».
- Bourdieu P. (1979) *La distinction. Critique sociale du jugement* [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste], Paris: Minuit.
- Bourdieu P., Loïc J.D.W. (1993) From Ruling Class to Field of Power: An Interview with Pierre Bourdieu on La Noblesse D'état. *Theory, Culture & Society*, no 10.
- Brubaker R. (1992) *Citizenship and Nationhood in France and Germany*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brzozowski S. (1906) Likwidacja Szlachetczyzny [Abolishment of the World of the Nobility]. *Przegląd Społeczny*, no 14.
- Chalasinski J. (1946) *Społeczna Genealogia Inteligencji Polskiej* [Social Genealogy of the Polish Intelligentsia], Warsaw: Czytelnik.
- Chwalba A. (1999) *Polacy w służbie Moskali* [Poles in the Service of Moscovites], Warsaw, Krakov: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Conze W., Kocka J. (ed.) (1985) *Bildungsbürgertum Im 19. Jahrhundert* [The Educated Bourgeoisie in the 19th Century], Stuttgart: Klett-Cotta.
- Dronkers J. (2003) Has the Dutch Nobility Retained its Social Relevance during the 20th Century? *European Sociological Review*, no 19.
- Flam H. (1999) Dissenting Intellectuals and Plain Dissenters: The Cases of Poland and East Germany. *Intellectuals and Politics in Central Europe*, edited by *Andreas Bozóki*, Budapest: Central European University Press.
- Granovetter M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*, no 1, pp. 201–233.
- Isin E.F. (1997) Who Is the New Citizen? Towards a Genealogy. *Citizenship Studies*, no 1, pp. 115–132.
- Jakubowska L. (2012) *Patrons of History: Nobility, Capital and Political Transitions in Poland*, Farnham: Ashgate.
- Janowski M. (2008) *Narodziny inteligencji 1750–1832* [The Birth of the Intelligentsia 1750–1832], Warsaw: Instytut Historii PAN, Neriton.
- Jasiecki K. (2002) *Elita biznesu w Polsce. Drugie narodziny kapitalizmu* [The Business Elite in Poland. The Second Birth of Capitalism], Warsaw: Wydawnictwa Instytutu Filozofii i Socjologii PAN.
- Jedlicki J. (2008) *Błędne koło 1832–1864* [Vicious circle 1832–1864], Warsaw: Instytut Historii PAN, Neriton.
- Kuniaev S. (2002) Shliakhta i My [The Polish Nobility and Us]. *Nash sovremennik*, no 5.
- Lefort C. (1986) *The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Totalitarianism*, Cambridge MA: MIT Press.
- Ossowska M. (1985) *Moralność Mieszczńska* [The Bourgeois Morality], Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolinskich.
- de Saint Martin M. (1993) *L'espace de la noblesse* [The Space of the Nobility], Paris: Editions Métailié.
- de Saint Martin M., Tchouikina S. (2008) La Noblesse Russe À L'épreuve de la Révolution d'Octobre: Représentations et Reconversions [The Russian Nobility and the October Revolution: Representations and Conversions]. *Vingtième siècle, revue d'histoire*, no 99, pp. 105–128.
- Smoczyński R., Zarycki T. (1) (2012) *Totem and Affect. Working Notes on the Anthropology of Contemporary Polish Gentry*. Paper presented at the conference "Man and Animal between Anthropology and Phenomenologies", Charles University and the Czech Academy of Sciences, Prague, November 22.

- Smoczyński R., Zarycki T. (2) (2012) Współczesne Polskie Elity Postszlacheckiew Kontekście Europejskim [The contemporary Polish Post-Noble elites in the European Context]. *Kultura i Społeczeństwo*, no 1, pp. 261–292.
- Staniszkis J. (2001) *Postkomunizm. Próba opisu* [Post-Communist, an Attempt at Description], Gdansk: Wydawnictwo słowo/obraz terytoria.
- Walicki A. (2005) Polish Conception of the Intelligentsia and Its Calling. *Words, Deeds and Values. The Intelligentsias in Russia and Poland During the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Ed. by Fiona Bjorling and Alexander Pereswetoff-Morath. 1–22. Lund: Department of East and Central European Studies. Lund University.
- Wedel J.R. (2007) *Prywatna Polska* [The Private Poland], Warsaw: TRIO.
- Wetherell Ch., Plakans A., Wellman B. (1994) Social Networks, Kinship, and Community in Eastern Europe. *Journal of Interdisciplinary History*, no 24, pp. 639–663.
- Zarycki T. (2006) Kulturowy kapital i dostupnost' vysshego obrazovaniya (sravnitel'noe issledovanie studentov Moskvy i Varshavy) [Cultural Capital and the Accessibility of Higher Education: (Based on the Results of a Comparative Study of Surveys of College and University Students in Moscow and Warsaw)]. *Vestnik obschestvennogo mneniya*, no 6, pp. 47–61.
- Zarycki T. (2008) *Kapitał Kulturowy. Inteligencja w Polsce i Rosji* [The Cultural Capital. Intelligentsia in Poland and Russia], Warsaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Zarycki T. (2009). The Power of the Intelligentsia. The Rywin Affair and the Challenge of Applying the Concept of Cultural Capital to Analyze Poland's Elites. *Theory and Society*, no 6, pp. 613–648.